

18+
СЕРГЕЙ КИРНИЦКИЙ

Налоги

ПОСОБИЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Сергей Кирницкий

Налоги. Пособие для взрослых

«Издательские решения»

Кирницкий С.

Налоги. Пособие для взрослых / С. Кирницкий — «Издательские решения»,

В любом вагоне есть человек без билета, и слово для него в языке нашлось ласковое — как для зверька. Ласковое слово удобно: оно избавляет от вопроса, кто оплатил поездку. Книга задаёт этот вопрос спокойно, с калькулятором, без осуждения и без пафоса. А до того успевает вернуть читателю деньги, о которых он не знал, и права, которые он выбрасывал у кассы вместе с чеком.

Содержание

Пролог. Кто платит вместо вас	6
0.1. Двое с одной площадки	6
0.2. Правила этой книги	9
0.3. Что будет — и предупреждение	11
Часть I. ЧЕК	13
Глава 1. Чек — ваш документ	14
1.1. Кого защищает чек	14
1.2. Что уходит вместе с чеком	15
1.3. Плитка	17
1.4. Сколько стоят ваши права	20
1.5. Что сделать сегодня	21
Глава 2. Вычет: деньги, которые вам должны	24
2.1. Это не льгота	24
2.2. За что возвращают	25
2.3. Условие ровно одно	27
2.4. Считаем	29
2.5. Кому не вернут	30
Глава 3. Серая зарплата: счёт на потом	33
3.1. Заём под ноль процентов	33
3.2. Чем возвращают	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Налоги

Пособие для взрослых

Сергей Кирницкий

Оформление обложки Created with Grok

© Сергей Кирницкий, 2026

ISBN 978-5-0070-9155-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Кто платит вместо вас

0.1. Двое с одной площадки

Сергей, тридцать четыре года, медбрат. Четвёртый этаж обычного панельного дома, квартира у лифта. Работает в отделении, где лежат после операций: капельницы, уколы, перевязки, ночные смены — ночь через две. Оклад со всеми надбавками — сорок пять тысяч в месяц.

Это цифра из трудового договора, та, что сверху. На карту приходит другая. Каждый месяц из сорока пяти тысяч удерживают налог на доход — тринадцать процентов, и удерживают до того, как деньги дойдут до Сергея. Считаем в строке: $45\,000 \times 13\% = 5\,850$ рублей в месяц; за год — $5\,850 \times 12 = 70\,200$ рублей.

Семьдесят тысяч в год. Сергей этих денег не видел ни секунды — ни на карте, ни в руках, ни в банкомате. Они существуют для него только как разница между двумя цифрами: той, что в договоре, и той, что приходит третьего и восемнадцатого. Бухгалтерия посчитала, удержала, перечислила; участие Сергея в этой операции равно нулю, как и его возможность в ней что-то изменить.

На руки выходит $45\,000 - 5\,850 = 39\,150$. Если спросить Сергея, сколько он получает, он скажет: тридцать девять. Не сорок пять — тридцать девять: человек называет своей ту цифру, которую держал в руках. Сорок пять тысяч из договора для него что-то вроде теоретической величины, как рост, записанный в медкарте.

Раз в месяц ему приходит расчётный листок — сейчас электронный, раньше была бумажка. Там всё написано: начислено столько-то, удержан налог на доход столько-то, к выплате столько-то. Сергей открывает его, смотрит на нижнюю строку и закрывает. Средняя строка, та, где удержано, не читается вовсе — не потому, что спрятана, а потому, что с ней нечего делать: она не обсуждается, не выбирается и не меняется.

Он, если честно, об этих семидесяти тысячах и не думает. Спросите его, сколько он заплатил налогов за прошлый год, — он пожмёт плечами и назовёт цифру наугад, скорее всего меньшую. Деньги, которых не держал в руках, не ощущаются как свои. Это не особенность Сергея, это особенность устройства: налог у него забирают раньше, чем зарплата успевает стать зарплатой.

Этажом выше, на пятом, живёт Валентина Петровна. Шестьдесят один год, на пенсии второй год, до этого — экономист в проектном институте. У неё, кроме квартиры, в которой она живёт, есть ещё одна — двушка на соседней улице, оставшаяся от матери. Двушка сдаётся.

Сдаётся она просто, как сдаются тысячи таких двушек. Объявление разместил зять, жильцов Валентина Петровна выбирала сама — приходила, смотрела, разговаривала. Договорились на словах: оплата третьего числа, коммуналка сверху, ничего не ломать. Никаких бумаг никто не предлагал и не спрашивал — ни она, ни жильцы; вопрос просто не возник, как не возникает вопрос, ходить ли по квартире в обуви.

Жильцы — семейная пара, тихие, платят аккуратно. Пятьдесят пять тысяч в месяц, наличными, третьего числа. Валентина Петровна спускается, они передают конверт, она пересчитывает дома за кухонным столом — не из недоверия, а по привычке человека, сорок лет проработавшего с цифрами. Потом записывает в тетрадку: число, сумма. Тетрадка — вся её бухгалтерия. Считаем: $55\,000 \times 12 = 660\,000$ рублей в год.

Шестьсот шестьдесят тысяч. Налог с них — ноль рублей ноль копеек.

Не пятьдесят тысяч, не десять, не тысяча. Ноль. Деньги приходят в конверте, лежат частью на вкладе, частью дома, тратятся на жизнь, на дачу, на подарки внуку. Никакая бухгал-

терия их не считала, ничего из них не удерживала и никуда не перечисляла. В этой операции вообще нет третьих участников — только Валентина Петровна и конверт.

Теперь положим две пары цифр рядом, прозой, в две строки. Сергей: доход за год — 540 000 рублей, уплачено — 70 200. Валентина Петровна: доход за год — 660 000 рублей, уплачено — 0.

Перечитайте медленно. Доход у Валентины Петровны выше — на сто двадцать тысяч в год, это ещё без пенсии, которая приходит ей сверху. Уплачено — на семьдесят тысяч меньше. У того из двоих, кто беднее, уплачено больше. Не немного больше — больше на всю сумму: один заплатил семьдесят тысяч, другая — ничего.

В месячном масштабе то же самое выглядит так: из зарплаты Сергея за месяц вычитают 5 850, из конверта Валентины Петровны не вычитают ничего. И у обоих день денег — третье число: одно число месяца, один подъезд, две суммы — минус пять восемьсот пятьдесят и минус ноль. За десять лет разница накопится: $70\,200 \times 10 = 702\,000$ рублей — цена той самой двушки не наберётся, но машина выйдет.

Тут обычно хочется найти ошибку в расчёте. Ошибки нет. Цифры условные — о том, как книга обращается с цифрами, разговор будет через несколько страниц, — но подставьте любые правдоподобные, и соотношение не изменится. Оклад медбрата можно сделать пятьдесят тысяч или шестьдесят, аренду двушки — сорок пять или семьдесят: пока зарплата белая, а конверт наличный, с оклада будут удерживать каждый месяц, а с конверта — ни разу.

Можно проверить и на крайних значениях. Пусть Сергей получает вдвое меньше — 22 500 в месяц, бывает и такое. Тогда за год у него удержат $22\,500 \times 13\% \times 12 = 35\,100$ рублей. Тридцать пять тысяч против нуля: разрыв сократился ровно вдвое, но остался разрывом. Чтобы эти двое сравнялись, окладу Сергея пришлось бы стать нулём.

Правда, один налог они всё-таки платят одинаково. Внизу, в соседнем доме, магазин, куда оба ходят за хлебом. Когда Сергей покупает буханку, в её цене сидит НДС — налог на добавленную стоимость, который магазин собирает с покупателя и передаёт дальше; покупатель его не видит, но платит в каждой цене на полке. Когда Валентина Петровна завтра покупает ту же буханку в том же магазине, в цене сидит тот же НДС, копейка в копейку.

Здесь они равны: касса не спрашивает, откуда деньги — с оклада после удержаний или из конверта третьего числа. Это единственный налог, в котором Сергей и Валентина Петровна — одно и то же лицо. Во всём остальном их налоговые жизни устроены зеркально.

Возьмите почти любой подъезд: в нём найдутся оклад и конверт, белая зарплата и наличная аренда, и арифметика между ними сложится так же, с точностью до сумм. Двое соседей не особенные — они первые попавшиеся.

Зеркальность эта — не про двух конкретных людей, а про два способа получать деньги. Оклад по договору означает: налог посчитают и удержат за вас, спрашивать не будут. Наличные из рук в руки означают: считать некому, удерживать некому, и вопрос уплаты существует ровно настолько, насколько человек сам о нём помнит.

Заметьте, что ни один из них ничего для этого специально не делал. Сергей не выбирал платить — за него выбрал способ, которым ему платят. Валентина Петровна не выбирала не платить — она просто сдала квартиру так, как сдают все, кого она знает: наличными, по объявлению, без бумаг. Спросите её — она скажет, что никогда об этом не задумывалась, и это будет чистая правда.

Оба живут, не держа в голове этой арифметики: один — потому что не видит, что у него забирают, другая — потому что не видит, что у неё не забирают. Семьдесят тысяч в год проходят между четвёртым и пятым этажом невидимо для обоих.

Дом старый, лифт один, и ходит он медленно. Сергей уезжает на смену к восьми, Валентина Петровна в это же время выходит с собакой — маленькой, рыжей, нетерпеливой. Пока

лифт ползёт с девятого, они успевают обменяться парой фраз: про погоду, про то, что опять красят подъезд, про собаку, которая тянет поводок. Хорошие соседи, каких в доме половина.

Ни он, ни она понятия не имеют о цифрах друг друга. Сергей не знает про конверт третьего числа, Валентина Петровна не читала его расчётный листок; между четвёртым и пятым этажом нет ни ссоры, ни счёта, ни вопроса. Они здороваются каждое утро у лифта.

0.2. Правила этой книги

Кто написал эту книгу и зачем — здесь не сказано и сказано не будет. Это вся история об авторе, другой не появится ни на одной странице. Гадать вы, конечно, вольны — налоговый на пенсии, бухгалтер, человек, которому недоплатили, — но книга вам в этом не помощник: если расчёт верен, неважно, кто его записал; если неверен, подпись его не спасёт. Проверять предлагаю не автора — цифры: у цифр, в отличие от людей, всегда можно пересчитать мотивы.

Обычно на этом месте стоит предисловие: кто я, почему взялся, что меня задело. Его не будет — всё, что вам нужно знать обо мне, поместится в одну фразу: я долго разбирался, как устроены налоги, и записал то, что понял.

Зато я скажу, чего в этой книге не будет. Это важнее любого предисловия, потому что это можно проверить — на каждой странице, начиная со следующей.

Не будет слов «должны», «долг» и «совесть». Взрослому человеку не сообщают, что он должен; он и сам в состоянии посчитать, что ему выгодно, если показать устройство. Как только в книге о налогах появляется слово «совесть», книга заканчивается и начинается проповедь — а на проповедь вы билета не покупали.

Не будет цифр бюджета в триллионах. Я не умею соотносить себя с триллионом, и вы, подозреваю, тоже: у этого числа нет размера, который можно приложить к своей жизни. Все цифры здесь будут такого масштаба, какой помещается в месяц, в год, в одну квартиру — в масштаб, который проверяется на салфетке.

Не будет детских садов и дорог «на ваши налоги». Не потому, что садов нет, а потому, что этот аргумент — воспитательный, а мы договорились без воспитания. Куда идут собранные деньги — отдельный и законный вопрос, и в конце книги он будет задан, причём не вам.

Не будет угроз. Ни штрафов, ни сроков, ни «налоговая всё видит». Что она видит и чего не видит — её рабочие заботы, а не ваши страхи; пугать вас ей есть кому и без меня. Книга, построенная на страхе, работает до первой проверки на прочность — а эта книга рассчитана дольше.

Теперь о цифрах, потому что они начались ещё на прошлой странице и не кончатся до последней. Цифры в этой книге условные. Оклад Сергея, аренда Валентины Петровны, любые суммы дальше — правдоподобные, но выдуманные: я не заглядывал ни в чью бухгалтерию и не собираюсь изображать, что заглядывал.

Настоящие здесь формулы. Каждый расчёт публикуется целиком, в строке, чтобы вы могли подставить свои числа — свой оклад, свою аренду, свою цену вопроса — и проверить: механика обязана выдержать любые правдоподобные значения. Если не выдерживает — она сломана, и виноват я, а не ваши числа. Это сказано один раз, здесь, и действует на всю книгу: дальше я не стану оправдываться за каждую цифру сноской «условно».

Прямо сейчас можно проверить, как это работает. На прошлой странице был расчёт: $45\,000 \times 13\% = 5\,850$ в месяц. Замените сорок пять тысяч на свою цифру из договора — и формула выдаст ваши личные деньги, те, которых вы, как и Сергей, не видели ни секунды. Книга будет полезна ровно настолько, насколько вы будете подставлять; читать её с калькулятором выгоднее, чем без.

Из этого следует ещё одно правило, о котором честнее предупредить. Здесь не будет статей законов, номеров форм и перечней документов — ничего, что имеет свойство устаревать между сдачей книги в печать и вашим чтением. Книга описывает устройство, а не текущие настройки; устройство меняется медленно, настройки — каждый год. Где искать настройки — подскажу, но искать будете сами, в источнике, который не успевает устареть.

Получился список обещаний. Перечитаем его коротко: без «должны» и «совести», без триллионов, без детских садов, без угроз, цифры условные при настоящих формулах, ничего

устаревающего. Шесть пунктов, все проверяемые. Не «я постараюсь писать уважительно» — такое обещание нельзя проверить, — а конкретные слова и приёмы, которых в тексте быть не должно.

Проверяется это буквально. Держите список в голове — или загните угол этой страницы, она для того и написана. Встретили запрещённое слово — возвращайтесь сюда и сверяйте: обещал ведь. Электронная книга проверяется ещё проще, поиском по тексту; бумажная — карандашом на полях, по старинке.

И раз обещание проверяемое, у него должна быть санкция, иначе это не обещание, а настроение. Санкция такая: если хоть один пункт нарушится — вы найдёте на странице «совесть», триллион или угрозу, — вы вправе закрыть книгу и не открывать больше. Без скидок на то, что дальше было интересно. Я обещал — с меня и спрос.

Расторгнуть этот контракт вам будет недорого — книга и стоила немного, в этом есть свой расчёт. Дешёвую книгу закрывают без сожаления, и потому у неё нет права на фальшь: её не станут дочитывать из жалости к потраченным деньгам. Всё, что удерживает вас на этих страницах, — работающая арифметика, и ничего кроме.

От вас этот контракт не требует ничего. Вы не обещаете дочитать, согласиться или что-то поменять в своей жизни; вы вообще ничего не подписывали, вы просто купили книгу — или вам её подарили, что тоже накладывает мало обязательств. Все обязательства здесь на одной стороне. Так и задумано: разговор, в котором обязан только говорящий, — единственный разговор, который взрослый слушает добровольно.

0.3. Что будет — и предупреждение

Первое, о чём пойдёт разговор, — деньги, которые вам должны. Не образно должны, не в высоком смысле, а буквально: суммы, которые вы имеете право забрать и, скорее всего, не забираете. У этих денег есть имя — вычет, есть адрес, откуда их возвращают, и есть срок давности: три года. Всё, что старше, сгорает — без чьего-либо злого умысла, просто так устроен механизм; про механизм и поговорим.

Три года — это не абстракция, это календарь. Если вы за последние три года лечили зубы, платили за учёбу, покупали квартиру или просто получали белую зарплату — часть уплаченного вами можно вернуть, и часы по некоторым суммам уже тикают. Механика в первом приближении простая: с части таких трат возвращают тринадцать процентов. Считаем на ходу: лечение зубов на 40 000 рублей — возврат $40\,000 \times 13\% = 5\,200$; год учёбы за 90 000 — возврат $90\,000 \times 13\% = 11\,700$.

Цифры, как договорились, условные — подставьте свои чеки. Сколько именно возвращают, за что и с какими границами — впереди целая глава с формулами. Обещаю без интриги: у многих читателей результат подстановки окажется больше цены этой книги в десятки раз. Деньги эти не подарок и не льгота — почему, тоже разберём, — и лежат они сейчас не у вас.

Рядом с деньгами лежат права, о которых редко думают как о правах. Бумажка, которую вы не берёте у кассы или выбрасываете, не отходя от неё, — документ, и работает он на вас, а не на магазин. Что именно он вам даёт и сколько стоит его отсутствие — тоже впереди, с расчётом. Это первая часть книги: она отдаёт и ничего не просит.

А теперь предупреждение, ради которого написана эта страница.

После части про деньги будет глава, которая вам, скорее всего, не понравится. Не потому, что в ней ошибка, — ошибку вы бы простили. Она не понравится потому, что задаёт вопрос, на который неприятно отвечать, и не предлагает удобного выхода. Я не скажу сейчас, какая это глава и о чём она: дочитаете до неё — узнаете сами, спутать будет не с чем.

Предупреждаю заранее по одной причине, и она не благородная, а техническая. Порядок в этой книге такой: сначала вы получаете — деньги, права, формулы, — потом вам задают неприятный вопрос. Если не предупредить, этот порядок легко прочитать иначе: вас сначала подкупили, а потом обвинили. Схема известная, доверия она не переживает.

Поэтому карты на стол до раздачи. Аванс будет настоящим — деньги, которые вы посчитаете в первой части, останутся вашими независимо от того, что вы решите про всё остальное. Заберёте вычет и закроете книгу на неприятной главе — вычет не отберут, сделка честная в обе стороны. Вопрос тоже будет настоящим, без смягчений. Вы знаете о нём сейчас, на десятой странице, и дальше читаете предупреждённым; что делать с вопросом, когда он прозвучит, — решать вам, на этом месте книга остановится и не сдвинется.

Неприятная глава — одна. Не половина книги, не каждая вторая страница. После неё разговор вернётся к вещам практическим: как устроены наличные и безналичные, что меняет способ, которым вы платите, и почему это вопрос вашей выгоды раньше, чем чьей-либо ещё. Там снова будут формулы и снова будет что забрать.

Кончится всё так. В последних главах вас ждут семь действий — не «задумайтесь» и не «пересмотрите отношение», а действия из разряда «скачать», «посчитать», «спросить»: каждое выполняется за минуты и даёт проверяемый результат. Ни одно не потребует героизма, походов по кабинетам или разговоров, которых вы не хотите вести. Сделать все семь или ни одного — опять же ваше дело; книга кончается списком, а не требованием отчёта.

И ещё в конце будет линейка. Старая, 1776 года выпуска, но исправная: четыре требования к любому налогу, которыми вы сами измерите свой — тот, что удерживают из вашей зарплат, и те, что сидят в ваших ценах. Заранее скажу: ваш налог пройдёт не все четыре деле-

ния — измерение будет настоящим, а не показательным. Пособие, в котором налог проходит все проверки, а ведомство право сто раз из ста, вы бы распознали к третьей странице — и правильно бы сделали. Что из результатов измерения следует — увидите сами; линейку вам дадут в руки, а не покажут издали.

Потому что у этой книги есть вторая половина адресата. Неудобные вопросы здесь будут заданы не только вам — налоговой они тоже будут заданы, по списку и всерьёз: за что взимается, куда девается, почему отвечают так, а не иначе. Заданы — не значит сняты; отвечать за ведомство я не стану, я ему не адвокат. Но заплативший имеет право спрашивать, и как этим правом пользоваться — в книге будет отдельно, с механизмом.

Вот, собственно, весь маршрут: сначала ваши деньги, потом один неприятный вопрос, потом инструменты и право спрашивать. В конце вы в плюсе — это арифметика книги, и она обязана сойтись, как любая другая арифметика в ней.

Начали мы с двоих у лифта, и всё, что будет посчитано дальше, считается в таком же масштабе — одна площадка, один оклад, один конверт; никаких величин, которые нельзя приложить к собственному подъезду. Если по ходу чтения вам покажется, что речь идёт о ком-то из ваших соседей, — так и задумано. Скорее всего, речь при этом пойдёт и о вас, но это вы тоже посчитаете сами.

Предупредили — дальше.

Часть I. ЧЕК

Возле кассы в супермаркете часто стоит маленькая урна. Она поставлена там не случайно: люди комкают чек, не отходя от ленты, и хозяину магазина проще дать им мусорное ведро сразу, чем подметать пол. Жест отработан до автоматизма — взять сдачу, скомкать бумажку, выбросить. На всё уходит секунды полторы.

Считается, что бумажка эта — про продавца. Что её печатают для порядка, для отчётности, для проверяющих — в общем, для кого-то, кто стоит за спиной магазина, а к покупателю она отношения не имеет. Это представление устроено ровно наоборот. Чек — расписка продавца перед вами: он взял ваши деньги и письменно это подтвердил. Единственный экземпляр этой расписки полторы секунды находится у вас в руках — а потом летит в урну.

Дальше выяснится, что у этой расписки есть цена, и немаленькая. Что существуют деньги, которые вам должны вернуть, — они лежат и ждут три года, а без той самой бумажки их не забрать. И что конверт с зарплатой, если посмотреть на него бухгалтерски, — заём, который вы выдали работодателю: ставка ноль, срок до пенсии, обеспечения нет.

Всё это — про ваши деньги и ваши права, ничьи больше. Здесь не будет ни общества, ни бюджета, ни соседа за стенкой: только вы и то, что вам причитается.

А начинается всё с полутора секунд у кассы. Когда с покупкой что-то идёт не так — а иногда идёт, — эта бумажка оказывается единственным, что остаётся на руках. Точнее, оставалось бы.

Глава 1. Чек — ваш документ

У большинства предметов на кассе понятная биография. Весы придумали, чтобы взвешивать, ленту — чтобы двигать, ящик для денег — чтобы деньги не лежали на виду. И только у кассового чека биография перепутана с чужой: предмет, в истории которого государство не участвовало вообще, числится его глазами и ушами.

Эта путаница дорого обходится — не государству, а тому, кто комкает бумажку не глядя. Потому что вместе с ней в мусор отправляется документ: подтверждение прав, которые без него почти невозможно доказать. И когда за отказ от этого документа предлагают скидку, сделка выглядит выгодной ровно потому, что одна из сторон не знает, чем платит.

Начать придётся с биографии — настоящей.

1.1. Кого защищает чек

Достаньте любой чек и прочитайте его — не пробежите глазами, а прочитайте. Вот вчерашний, из кармана куртки: магазин такой-то, адрес с номером дома, 19:42, батон — 54 рубля, молоко — 89, стиральный порошок — 412, итого 555, получено 555. Кто продал, что продал, когда, по какой цене и сколько взял денег — всё названо и подписано временем до минуты.

Если убрать мелкий шрифт и типографские сокращения, останется текст, знакомый человечеству пару тысяч лет: «Я, такой-то, получил от предъявителя столько-то за то-то».

Это расписка. Юридически чек — доказательство того, что между вами и магазином заключён договор купли-продажи. Вы не помните, чтобы что-то подписывали? Подписали — деньгами: оплата и есть заключение договора, так это устроено. Каждый поход за хлебом — договор.

У всякого договора две стороны, и каждая обычно хранит свой экземпляр — на том и стоит порядок в делах. Свой экземпляр магазин держит у себя, в памяти кассы, и никогда его не выбросит. Ваш экземпляр — та самая бумажка: её печатают и вручают лично вам. Дальше вы сдаёте её обратно, в урну магазина, — и у договора остаётся одна сторона с документами.

Со знакомыми вы, кстати, поступаете строже, чем с магазином. Одолжите приятелю личную сумму — и попросите расписку, ничуть не стесняясь: дело житейское, деньги счёт любят. Расписка нужна не потому, что приятель жулик, а потому, что память — плохой носитель для денежных отношений. Магазины вы отдаёте деньги точно так же, и магазин, в отличие от приятеля, расписку выдаёт сам, без напоминаний, — а вы её выбрасываете.

Заметьте заодно, чей это экземпляр. У магазина сведения о продаже остаются в его собственной кассе — ему бумажка не нужна. Печатается она для одного человека: для вас. Не отчёт продавца перед государством, а расписка продавца перед вами.

Теперь биография предмета, потому что она об этом же.

Кассовый аппарат придумал не чиновник и не министерство. Его придумал владелец салуна — американец по фамилии Ритти, конец девятнадцатого века, город Дейтон. У Ритти была проблема, знакомая любому хозяину заведения с наличной выручкой: бармены воровали. Не все и не всегда, но выручка вечером сходилась хуже, чем должна была, и поймать за руку никого не удавалось — деньги проходили через руки и не оставляли следа.

Решение Ритти подсмотрел, говорят, на пароходе: там стоял счётчик, отмечавший каждый оборот гребного винта. Винт не может провернуться незаметно — счётчик щёлкнет. Ритти сделал такой же счётчик для денег: аппарат, который фиксировал каждую продажу. Чуть позже у этих машин появились денежный ящик и звонок — и касса приобрела голос.

Колокольчик — деталь не декоративная, а рабочая. Продажа перестала быть тихим движением руки над ящиком: ящик открывался со звоном на весь зал, и хозяин, не поднимая

головы, знал, что деньги пошли. Бармен больше не мог пробить меньше, чем взял, — звонок слышали все, а вечером цифры аппарата сверялись с наличностью. След появился там, где его никогда не было.

Первые модели даже назывались без затей — что-то вроде «неподкупного кассира». И покупали этого кассира сами хозяева, за собственные деньги, причём деньги немалые: аппарат был механизмом тонким и дорогим, вроде хороших часов. Никто их не заставлял. Хозяин лавки прикидывал, сколько утекает через ящик, сравнивал с ценой машины — и машина окупалась.

Обратите внимание, кого этот кассир охранял и от кого. Хозяина — от собственных работников. Частные деньги — от частных рук, за частный счёт. В этой истории нет ни инспектора, ни казны, ни сборов: государство не заказывало этот прибор, не оплачивало его разработку и первые десятилетия не подозревало о его существовании.

Государство пришло к кассе позже — на всё готовое. Когда выяснилось, что аппарат честно считает чужие деньги, стало ясно, что он с тем же успехом посчитает и налоги с них. Государство не придумало чек. Оно им воспользовалось — как пассажир, севший в машину, которую построили, обкатали и заправили до него. Пассажир, надо признать, устроился основательно и ведёт себя как хозяин, но конструктора в списке его заслуг нет.

А покупатель приспособил тот же прибор третьим — и тоже для себя. Бумажка, которую аппарат выплёвывает наружу, оказалась той самой распиской: письменным следом сделки, который можно предъявить, когда сделка обернулась плохо. Чайник не работает, ботинки расклеились, с карты списали дважды — во всех этих сюжетах первым словом идёт чек. Он отвечает на единственный вопрос, с которого начинается любой спор о покупке: а была ли покупка.

Вот теперь странность видна целиком. Предмет придуман хозяином — против своих барменов. Приспособлен покупателем — для защиты своих прав. Государство в этой цепочке третье и последнее, пришедшее на готовое. А спросите на улице, зачем нужен чек, — и услышите про контроль, отчётность и слежку. Из всех ролей, которые предмет играл за полтора века, народная память оставила ему ту единственную, для которой он не делался.

Отчасти понятно, как это вышло: последний участник оказался самым громким. О чеке вслух говорят в основном те, кто обязан его печатать, — и в их разговорах он в самом деле повинность. Тот, кого бумажка защищает, о ней молчит: право, которым не пользуются, не звучит. Так предмет и получил репутацию по самой шумной из своих ролей, а не по главной.

Путаницу эту можно услышать своими ушами, у любой кассы. «Чек нужен?» — спрашивает кассир, и интонация у вопроса та же, что у «пакет нужен?». То есть чек в этой интонации — упаковка: сопутствующий мусор, который вежливо предлагают не навязывать. И покупатель отвечает «нет, спасибо» тем же тоном, каким отказывается от пакета, — из аккуратности, чтобы не плодить бумажки. Расписку на его деньги приравняли к обёртке, и обе стороны считают это нормальным.

С барменами понятно: их интерес аппарат ущемил первым, им и полагалось его не любить. Но бумажку у кассы комкает не бармен. Её комкает тот единственный участник истории, для кого она печатается, — человек, выбрасывающий собственную расписку в специально подставленную урну, из вежливого убеждения, что бумажка чужая.

Расписка между тем — не символ и не жест. У неё есть содержание: конкретные вещи, которые она удостоверяет и которые исчезают из доказуемого мира вместе с ней. Их можно пересчитать по пальцам одной руки — и ещё один палец занять.

1.2. Что уходит вместе с чеком

Чайник за 2 990 рублей перестал включаться на девятый день. Ситуация из рядовых: у техники бывает брак, для того и придуманы гарантия и возврат. Но между вами и новым

чайником стоит один вопрос, который магазин задаст первым: чем вы подтвердите, что купили его здесь и тогда-то. Всё дальнейшее зависит от ответа.

Попробуйте мысленно собрать ответ без чека — из подручных средств. Коробка? Коробка подтверждает, что у вас есть коробка: на ней нет ни даты, ни места покупки. Выписка из банка? Там значится, что такого-то числа вы отдали магазину 2 990 рублей, — но не за что: чайник это был, кастрюля или три сковородки, выписка не знает. Жена, которая стояла рядом? Свидетель-родственник — доказательство, которое весит меньше всего на свете.

Остаётся память продавца. Продавец за смену видит несколько сотен лиц; ваше он не помнит и помнить не нанимался — на то и касса, чтобы никому ничего не помнить. Круг замкнулся: единственный носитель, на котором покупка существовала в доказуемом виде, вы скомкали у выхода.

Тут нужна оговорка, без которой разговор был бы нечестным. Закон нигде не говорит «нет чека — нет прав»: права покупателя записаны и с выбросом бумажки не отменяются. Выбрасывается другое — доказуемость. Подтверждать, что покупка была, была здесь и в этот день, придётся вам, любыми средствами, какие найдёте, — а средства эти мы только что перенесли.

Поэтому дальше в списке не будет слов «право исчезает». Будет точнее: доказать становится почти невозможно. Разница на первый взгляд крючкотворская, но в спорах о деньгах действует простое правило: кто утверждает, тот и подтверждает. Утверждать «я у вас это купил» будете вы — значит, и подтверждать вам.

Право без возможности его доказать похоже на ключ от квартиры, адрес которой вы не можете назвать. Ключ настоящий, никто его не отбирал — но дверь, которую он открывает, для вас не существует. Вот что висит на одной бумажке, по строке на пункт.

- Гарантия: без чека доказывать, что товар куплен здесь и срок ещё идёт, придётся вам.
- Возврат в четырнадцать дней: та же причина — нет даты покупки, нет и отсчёта дней.
- Обмен брака: меняют купленное, а что оно купленное — подтверждаете вы.
- Претензия: писать не о чем — факта покупки на бумаге не существует.
- Суд: предъявить нечего; дело начинается с доказательства сделки, а его нет.
- Вычет: часть денег можно вернуть, но подтвердить расход нечем.

Шесть строк. Перечитайте их ещё раз и заметьте одну вещь: строки разные, а причина в каждой одна и та же. Гарантия, возврат, обмен, претензия, суд и вычет — все шесть стоят на одном-единственном факте: покупка была. Уберите факт — и рушатся все шесть разом, как шесть этажей на общем фундаменте.

Фундамент этот у покупки единственный. У квартиры есть договор на десяти страницах, у машины — целая папка бумаг, у вклада — договор с банком. У покупки в магазине договор заключается за секунду, деньгами, — и весь его письменный след уместается на обрезке ленты. Другого экземпляра природа розничной сделки не предусматривает.

И ещё одно: в шести строках нет государства. Гарантия — спор с продавцом. Возврат, обмен, претензия — с ним же. Суд — вы против магазина, двое частных лиц перед третьим. Все шесть строк — про отношения двух сторон сделки, и бумажка, на которой они держатся, — документ этих двоих, а не кого-то третьего.

Из этого следует вещь простая, но отрезвляющая: хранить бумажку — в интересах ровно одного из двоих, и это не магазин. Никакого заговора тут нет, урну у кассы ставят из чистой заботы о полах. Но работает она объективно в одну сторону: с каждым скомканным чеком стона, которой могли предъявить претензию, спит чуть спокойнее — доказательство уничтожила вторая сторона, добровольно и своими руками. Напоминать вам об этом некому.

Обратная сторона того же наблюдения: цена бумажки — не ноль. Мы привыкли оценивать чек по себестоимости — обрезок ленты, полграмма бумаги, мусор. Но стоимость документа никогда не равна стоимости бумаги, на которой он напечатан: лист с завещанием стоит

не как лист, и посадочный талон у выхода на посадку дорожке картона, из которого сделан. Настоящая цена чека — сумма шести строк выше, посчитанная в момент, когда хотя бы одна из них вам понадобилась.

При этом отказа от этих шести строк вы не подписывали. Никто не подсовывал вам документ «прошу считать мою покупку недоказуемой» — такой документ вы бы читать не стали, а подписывать тем более. Показательно, как по-разному человек обращается с бумагами об одних и тех же своих деньгах. Кредитный договор он читает с лупой, вылавливая мелкий шрифт и переспрашивая про каждую звёздочку; расписку на собственную покупку — комкает, не взглянув.

Вся процедура отказа уместилась в жест над урной: полторы секунды, никаких формальностей, никакой второй подписи. Самые невыгодные сделки человек заключает именно так — не глядя, потому что никто не назвал их сделками.

Есть и ещё одно свойство у этого списка, самое коварное. Шесть строк никогда не предъявляются к оплате по расписанию, по одной в год. Они лежат тихо — месяцами, иногда годами, — и человек привыкает думать, что их нет вовсе: чайники включаются, ботинки носятся, плитка держится.

По устройству чек ближе всего к страховке — с той разницей, что эта выдаётся бесплатно, при каждой покупке, без заявлений и взносов. И обращаются с ней соответственно: пока всё цело, страховка кажется лишней бумагой, и хранить её — занудство. Оценить её берутся ровно в тот день, когда наступил, как выражаются страховщики, случай, — и выясняют, что полис выброшен у кассы полгода назад.

А случай, когда приходит, приходит не по одной строке. Какая-нибудь покупка идёт не так целиком — и все шесть строк требуются одному человеку одновременно, в один месяц, по одному адресу. Как это выглядит вблизи — лучше всего показывает санузел.

1.3. Плитка

Санузел — четыре квадратных метра. Плитка на стенах положена при прежних хозяевах и, судя по цвету, при прежней власти. Человек, о котором пойдёт речь, собирался с этим ремонтом три года и наконец собрался: нашёл мастера — не по объявлению, а как положено, по рекомендации. Мастера посоветовал сосед, у которого тот перекладывал кухню: золотые руки, сказал сосед, и не пьёт.

К ремонту человек подошёл обстоятельно. Плитку выбирали с женой два выходных, объехали три магазина, взяли итальянскую со скидкой. Грунтовку, клей и затирку человек купил сам, по списку мастера, в строительном гипермаркете — и все чеки аккуратно сложил в прозрачный файл: на материал гарантия, мало ли. Файл этот стоит запомнить. В нём будет лежать полный комплект документов на клей за восемьсот рублей — и ни одной бумажки на работу за девяносто тысяч.

Мастер пришёл в субботу, осмотрел стены, постучал костяшкой по старой плитке, пощёлкал калькулятором в телефоне. Вышло девяносто тысяч — работа и демонтаж, материал отдельно. Сумма была примерно той, к которой человек себя готовил, и он кивнул. И тут мастер добавил фразу, с которой, собственно, начинается эта история: если наличными — минус пять процентов.

Разберите эту фразу на слух, как она звучит в коридоре. Она звучит как подарок: четыре с половиной тысячи из воздуха, просто за то, что деньги будут в конверте, а не на карте. Человек посчитал мгновенно, не отходя от двери, — четыре с половиной тысячи это, между прочим, смеситель, причём приличный. Выгода тут же обрела форму и блеск, встала на край будущей ванны и участвовала в решении наравне со взрослыми.

И одновременно фраза звучит как знак доверия: мы же свои люди, к чему нам эти банковские церемонии. Отказаться от такого предложения неловко вдвойне — и от денег, и от доверия.

Про договор человек, честно говоря, подумал. Даже начал фразу: может, набросаем на бумаге, что и к какому сроку. Мастер не обиделся, но посмотрел с лёгким недоумением: можно, конечно, если хотите, — мы же люди, я двадцать лет работаю, меня весь район знает. Фраза «если хотите» похоронила вопрос надёжнее прямого отказа. Настаивать теперь значило сказать вслух: я вам не верю, — а мастера рекомендовал сосед, и не верить было как-то не с чего.

Тем более что и сосед в своё время рассчитывался так же — наличными, без бумаг, — и кухня у соседа стоит четвёртый год как новая. Вся цепочка рекомендаций, по которой ходят мастера, устроена одинаково: из рук в руки, из уст в уста, ни одного документа на всём маршруте. Работает же.

Про чек не зашло речи вовсе. Какой чек у мастера, который кладёт плитку по квартирам, — зачем нам бумажки. Эта мысль даже не была произнесена: она была самоочевидна для обеих сторон, как то, что обувь в прихожей снимают. Человек не заметил, что в эту субботу подписал договор — устный, деньгами, как в магазине, — только на этот раз без единственного письменного экземпляра.

Дальше всё шло хорошо, и это важная часть истории. Мастер приходил вовремя, работал чисто, накрывал плёнкой коридор и уносил мусор с собой. Шутил про старую плитку — что её клали на века и на цемент, которого больше не делают. Через две недели санузел стоял новый: ровные швы, аккуратные углы под потолком. Человек провёл ладонью по стене и остался доволен.

Настолько доволен, что в следующие две недели успел показать санузел тёще и двум парам гостей, а коллеге на работе, затеявшему ремонт, переслал номер мастера с той же формулой, которую когда-то услышал сам: золотые руки, и не пьёт. Цепочка рекомендаций получила новое звено. Человек стал в ней тем самым соседом — поручителем без подписи, гарантом без гарантии.

Рассчитались, как договаривались. Столько наличных под рукой не оказалось, и мастер великодушно разрешил перевод — по номеру телефона, на карту, которая высветилась просто именем и первой буквой фамилии. В комментарии к переводу попросил написать что-нибудь нейтральное. Человек усмехнулся и написал: «за грибы». Оба посмеялись, пожали руки, мастер оставил свой номер — если что, звоните, я на связи.

Стоит зафиксировать этот момент: шутка в комментарии — единственное, что во всей девяностотысячной истории было записано. Ни сроков, ни суммы за работу, ни фамилии — из письменных следов у сделки останутся два слова, и оба про грибы. Тогда, вечером после расчёта, это было смешно.

Через месяц плитка вздулась. Первой заметила жена — вечером, из ванны: под определённым углом свет из коридора ложился на стену, и стена была неровной. Не вся — в трёх местах над ванной: три пузыря размером с ладонь, под которыми, если нажать, что-то мягко подавалось. Человек нажал, послушал глухой звук пустоты и полез за телефоном.

Мастер не взял трубку. Не взял вечером, не взял на следующий день, не ответил на сообщение — то самое «если что, звоните» продержалось ровно до первого «что». Всю неделю человек вёл с собой переговоры за мастера: может, занят на объекте; может, уехал; телефон, в конце концов, можно потерять. Каждое из объяснений жило день-полтора и умирало от следующего непринятого звонка. Человек звонил с работы, звонил с номера жены, звонил в восемь утра и в десять вечера — и уже понимал, чем это кончится, но продолжал звонить, потому что ничего другого не оставалось.

Через неделю мастер вдруг ответил — спокойно, буднично, будто и не пропадал. Выслушал. И сказал, что плитка тут ни при чём и работа ни при чём: это грунтовка виновата. Грунтовку, напомнил он, выбирали вы сами, я предупреждал, что она так себе.

Никакого предупреждения человек не помнил. И вот что неприятно: мастер, возможно, не врал. Он мог в самом деле обронить что-то про грунтовку — между делом, у стремянки, вполголоса; человек мог в самом деле не услышать или не принять всерьёз. Устный договор хранится в двух головах, и в каждой — своя редакция: у мастера в ней предупреждение было, у человека — нет. Спор двух памятей, даже двух честных памятей, без бумаги не решается вообще: сверять редакции негде. На том разговор и кончился. Больше мастер трубку не брал.

Теперь — инвентаризация. Спокойная, без эмоций: что у человека на руках после сделки на девяносто тысяч.

На руках у него перевод по номеру телефона с комментарием «за грибы». В переводе — имя и первая буква фамилии. Полного имени нет. Фамилии нет. Адреса нет: мастер приезжал сам, а живёт «где-то в области». Договора нет — «мы же люди». Сметы нет — считали в телефоне мастера. Чека нет — «зачем нам бумажки». Есть файл с чеками на клей и грунтовку — полный порядок в документах на восемьсот рублей. Есть номер, по которому не берут трубку. И есть сосед, который разводит руками: у него-то кухня стоит, ему и сказать нечего, кроме «надо же, а мне нормально сделал».

Примерьте к этому набору любую из шести строк. Гарантия — на что, каким документом установленная? Претензия — кому её писать, на какое имя, по какому адресу? Возврат денег — за что: единственная бумага в этом деле утверждает, что деньги уплачены за грибы, и грибы, надо полагать, претензий не вызвали. Суд — против кого подавать иск: против одиннадцати цифр номера телефона?

Человек всё-таки ходил к юристу — по ещё одной рекомендации, но на этот раз в кабинет с вывеской. Юрист слушал минут десять, кивал и делал пометки. Потом спросил: что у вас есть на руках? Человек показал перевод. Юрист увеличил экран, прочитал вслух: «за грибы» — и прочитал это ровным профессиональным голосом, от которого формулировка прозвучала как диагноз. Потом объяснил, вежливо и без единого лишнего слова: спор о качестве работ начинается с доказательства, что работы были и кто их выполнял; у вас нет ни первого, ни второго; с этим — никуда.

Вот это слово и есть итог истории. Не «сложно», не «долго», не «дорого» — никуда. Заявление в полицию не пишется: там нужен обман, а здесь спор о качестве работы, которой на бумаге не существует. Жалобы на защиту прав потребителя начинаются с того же вопроса, что и всё остальное: чем подтверждён факт покупки услуги. Круг везде один.

Переделывать санузел человек будет за свои. Снова девяносто тысяч работы, снова материал — и сверх того демонтаж: отдельные деньги за то, чтобы отбить со стен плитку, за укладку которой уже заплачено. Мало кому в жизни выпадает платить дважды за одни и те же четыре квадратных метра, причём второй раз — начиная с минуса. Первые девяносто тысяч ушли туда же, куда уходит любая недоказуемая сделка, — в опыт.

И последнее, ради чего эта история рассказана так подробно. Человек из неё — не проstack и не растяпа. Он проверил мастера единственным доступным способом — рекомендацией; он хранил чеки на материалы; он даже заикнулся про договор, что делает далеко не каждый. Он поступил в точности так, как поступают почти все и почти всегда, — и почти всегда это сходит с рук, потому что мастера в большинстве своём кладут плитку честно. Пузыри над ванной — редкость; в том и ловушка, что редкость. Ставку, которая срабатывает один раз из многих, человек перестаёт считать ставкой. Он не совершил ничего исключительного. В этом и дело.

Скидка, с которой всё началось, была, напомним, пять процентов.

1.4. Сколько стоят ваши права

Решение в коридоре заняло секунды три. «Наличными — минус пять» — кивок — по рукам. За эти три секунды была заключена сделка, у которой, как у всякой сделки, есть цена с обеих сторон. Одну сторону человек увидел сразу — она блестела, как смеситель. Вторую он узнал через месяц.

Устройство этих трёх секунд стоит рассмотреть отдельно, потому что в них — весь механизм. Выигрыш в этой сделке нагляден: четыре с половиной тысячи имеют цвет, размер и применение, их можно мысленно потратить, не сходя с места. Проигрыш ненагляден совершенно: шесть строк не блестят, не лежат в кармане и не имеют формы, пока не наступят. Взвешивались, стало быть, не две суммы, а предмет против призрака — и предмет победил, как побеждает всегда. Три секунды ушли не на решение; решение при таком раскладе было предрешиено. Три секунды ушли на кивок.

Теперь, когда обе стороны сделки известны и обе получили форму, их можно наконец положить рядом и посчитать — то, что не было посчитано в коридоре.

Считаем. Ремонт — условные 90 000; скидка пять процентов — это $90\,000 \times 0,05 = 4\,500$. Переделка — те же 90 000 работы, плюс материал, плюс демонтаж, плюс месяц без ванной; но оставим только главное число. Итого на одной чаше 4 500, на другой 90 000: соотношение один к двадцати.

Теперь посмотрим, что это за соотношение по своей природе. Слово «скидка» здесь не годится: скидка — это когда тот же товар отдают дешевле. Товар в коридоре был не тот же. За минус пять процентов человек отдал не пять процентов ремонта — он отдал все шесть строк разом: гарантию, претензию, возврат, суд и остальное, весь набор, который держится на бумаге. Правильное слово для такой сделки — не скидка. Правильное слово — ставка.

Устроена она как обыкновенное пари. Вы ставите девяносто тысяч против четырёх с половиной на то, что всё пройдёт хорошо: плитка ляжет, мастер окажется добросовестным, грунтовка не подведёт. Выиграли — забираете четыре с половиной тысячи. Проиграли — платите девяносто. Один к двадцати, выплата сразу, отыгаться негде.

Пари как пари, в мире заключаются и похуже. Странность не в коэффициенте, а в процедуре. Ни один человек, ставящий на что-либо деньги сознательно, не делает этого, не спросив двух вещей: какова вероятность проигрыша и сколько я теряю, если проиграю. В коридоре не прозвучало ни первого вопроса, ни второго. Ставка один к двадцати была принята за три секунды, молча, — человеком, который на рынке торгуется за двести рублей и изучает ценники на молоко двух марок.

Причём к ставкам как таковым этот человек относится трезво. Предложи ему кто-нибудь поставить девяносто тысяч на исход матча — он покрутит пальцем у виска: он не игрок, у него семья и ремонт. Девяносто тысяч на исход ремонта он поставил в собственном коридоре, в тапочках, и игроком себя при этом не почувствовал. Ставка не выглядела ставкой — вот и вся разница; сумма и коэффициент были те же.

Тут полагается честная оговорка, без неё расчёт был бы подогнанным. Вероятность проигрыша в этом пари мала — мастера, как уже было сказано, в большинстве своём кладут плитку добросовестно. Вполне возможно, что по строгой арифметике, с учётом всех шансов, ставка иногда даже выгодна: если пузыри вздуваются у одного заказчика из очень многих, четыре с половиной тысячи могут перевешивать. Книга не возьмётся утверждать обратное — у неё нет этих шансов, их нет ни у кого.

В том и дело. Претензия не к исходу пари — исход может оказаться любым, — а к тому, как оно было заключено. Взрослый отличается от неопытного игрока не тем, что никогда не ставит: тем, что знает, что поставил. Человек из коридора не знал. Он думал, что получает

подарок, а подписывал ставку; разницу между этими двумя бумагами он выяснил у юриста, по цене девяноста тысяч.

Откуда берётся это незнание — понятно из биографии предмета. Продать за бесценок можно только то, чем не дорожишь, а не дорожишь тем, что считаешь чужим. Пока чек числится «бумажкой для контроля», отказ от него — избавление от чужой формальности, услуга даже: меньше мусора. Продажей он становится в тот момент, когда бумажка признана своей, — но этот момент у большинства просто не наступал. Нельзя знать цену имущества, о владении которым не подозреваешь.

Формула, между тем, опубликована, и в неё подставляется что угодно. Возьмите свою последнюю крупную трату «без бумажек» — ремонт, технику с рук, услугу «по договорённости». Цена, умноженная на предложенный процент, — это выигрыш. Цена целиком, а то и с довеском переделки, — проигрыш.

Скажем, телефон с рук за условные 40 000 — «без коробки и чека, поэтому дешевле на десять процентов». Считаем: выигрыш $40\,000 \times 0,1 = 4\,000$; проигрыш, если внутри окажется чужой замурованный аппарат, — 40 000. Один к десяти; коэффициент щедрее плиточного, но порядок тот же. Подставьте репетитора, шиномонтаж, свадебного фотографа — дробь всюду собирается одинаково.

И заметьте её главное свойство: числитель и знаменатель растут вместе. Чем крупнее сделка, тем внушительнее скидка — и тем больше сумма, которая в случае чего сгорает без следа. Приятный размер выигрыша всегда пропорционален размеру ставки; на том стоят все игорные дома.

Мелким шрифтом: налоговая, к слову, тоже иногда соглашается на ставки, которых не обсуждала, — с той разницей, что ей потом никто не сочувствует.

Так что у прав из шести строк теперь есть преysкурaнт. В коридорной сделке они шли за четыре с половиной тысячи — по семьсот пятьдесят за строку, если делить поровну; цена написана, и каждый волен решать, дорого это или дёшево. Одно можно сказать твёрдо: сделка, у которой прочитан ценник, — уже другая сделка. Не глядя её больше не заключить.

1.5. Что сделать сегодня

В нижнем углу каждого чека напечатан квадратик — плотный узор из чёрных точек размером с почтовую марку. Его печатают уже давно, и он есть на любой кассовой ленте страны: на чеке из супермаркета, из аптеки, из шиномонтажа. Большинство владельцев чеков никогда не заглядывало внутрь этого квадрата.

Устроен он проще, чем выглядит. Это адрес вашего чека — как трек-номер у посылки. С посылками все давно освоились: никто не бежит на почту спрашивать, где коробка, — вводят номер и смотрят. Чек с некоторых пор живёт по той же схеме: у каждой покупки есть номер, по номеру покупка находится и предъявляется. Квадрат — этот номер и есть, только вводить его не надо: достаточно навести камеру. Это дверь, и открывается она за тридцать секунд.

Действие на сегодня — одно. У налоговой службы есть бесплатное приложение для проверки чеков; скачайте его. Не «имейте в виду, что существует», не «при случае посмотрите» — скачайте, сегодня, пока читается эта страница. Потом найдите любой чек — в кармане куртки, на дне сумки, в бардачке, у кассового чека талант заводится в таких местах сам. Наведите камеру на квадратик.

Кстати, весьма вероятно, что первый найденный чек окажется полустёртым: термолента выцветает быстро, и из текста на ней читаются только призраки букв. Это не помеха, а лучшая часть опыта. Пока различим квадрат — а он держится дольше букв, — чек читается целиком: наведите камеру на бумажку, на которой не видно почти ничего, и получите её полное содержание. Бумага сдалась, документ жив.

Дальше произойдёт вот что. Смятая бумажка развернётся на экране — целиком и в лучшем виде, чем на ленте. Продавец — полным названием, не вывеской: вывеска на доме может говорить одно, а деньги вы отдали тому, кто указан здесь. Адрес. Дата и время до секунды. Каждая позиция отдельной строкой, с ценой — и со ставкой налога в каждой строке: сколько в цене батона сидит налога, теперь написано напротив батона.

Оцените первую же строку — про продавца — на фоне недавней истории с санузлом. Там контрагентом девяностотысячной сделки было имя с одной буквой фамилии и номер, по которому не берут трубку. Здесь контрагент покупки на триста рублей назван полностью, с адресом, и никуда от этой записи не денется. Сторона, у которой вы купили, известна — это и есть главное отличие сделки с чеком от сделки «мы же люди», и видно оно теперь не в теории, а на экране.

Прочитайте этот экран не спеша, у него есть несколько полезных свойств. Первое: перед вами тот самый единственный экземпляр вашего договора — только теперь он хранится не на обрезке термоленты, которая выцветает за полгода до состояния белого флага, а в электронном виде. Бумажку можно после этого хоть выбросить: развёрнутый чек сохраняется, его можно отправить себе на почту и предъявить когда угодно. Урна у кассы перестаёт быть точкой невозврата.

Тут, кстати, переворачивается ещё одно привычное представление — о том, что оригинал у вас в руках, а в телефоне копия. Наоборот: ваша покупка с самого начала существовала в электронном виде, и бумажка у кассы — лишь её распечатка, любезность для кармана. Всё это время у каждого вашего чека был несгораемый оригинал — вы просто ни разу не входили туда со своей стороны. Тридцать секунд с камерой — это и есть вход: вы увидели хранилище собственных покупок изнутри, с той стороны, где ничего не мнётся и не выцветает.

Что значит «предъявить», разверните на знакомом сюжете. Чайник, переставший включаться на девятый день, — и вы у стойки магазина. Прежний разговор начинался с вопроса «чем подтвердите» и на нём же заканчивался. Теперь вы кладёте на стойку экран: продавец, дата, время, чайник строкой, цена. Все шесть строк, что держатся на факте покупки, снова стоят на фундаменте — потому что фундамент перестал быть комком в урне.

Второе свойство: экран показывает, что вы на самом деле купили. Звучит странно — кто же не знает, что он купил, — но сверьте список с памятью. Память держит «зашёл за продуктами, вышло около полутора тысяч»; чек утверждает — 1 748, и расходение имеет построчный состав. Пакет, который «двадцать копеек, ерунда». Сбор за что-то мелкое. Задвоившийся йогурт, который кассир пробил дважды, а вы не заметили — заметить было нечем, чек лежал комком. По одному разу это копейки; привычка читать состав своих трат — нет.

И третье: ставка налога напротив каждой строки — это цифра, которую вы до сих пор платили вслепую. В цене всего, что лежит в вашей корзине, сидит доля, уходящая не продавцу, — и теперь она напечатана построчно, для вашего батона и вашего порошка. Ни в одной домашней бухгалтерии эта строка расходов не значит: люди записывают «продукты — столько-то», а что внутри «столько-то», не видит никто. Что с этой цифрой делать, каждый решает сам; для начала её достаточно один раз увидеть — своими глазами, в своём чеке, а не в чужом пересказе.

Вот, собственно, и всё действие. Оно заняло тридцать секунд, не потребовало ни регистрации, ни похода куда-либо, ни единого рубля. Полезно сравнить условия с коридорными: там за четыре с половиной тысячи предлагалось расстаться с шестью строками; здесь бесплатно и без торга возвращается фундамент под всеми шестью. Первая безоговорочно выгодная сделка — и заключается она с собственным карманом, где лежал чек.

Бумажка, с которой всё начиналось, жила у кассы полторы секунды — от ладони до урны. Полтора века назад её род начался с аппарата в салуне, и с тех пор она честно записывала всё, что ей диктовали, — для человека, который её не читал.

Сейчас такая же бумажка лежит развёрнутой на вашем экране: с именем продавца, с составом, с ценой и налогом в каждой строке — прочитанная от заголовка до итога, как читают документы. Ею и была всё это время. Полторы секунды уходило на то, чтобы её выбросить; тридцати хватило, чтобы её впервые прочесть. Разница между этими двумя жестами — двадцать восемь с половиной секунд.

Глава 2. Вычет: деньги, которые вам должны

Слову «вычет» не повезло. Оно звучит как потеря: вычли — значит, отняли. Человек слышит его и внутренне подбирается, готовясь защищать своё, — хотя речь идёт ровно об обратном движении денег. Не от вас, а к вам.

Из-за этого недоразумения возврат выглядит подарком, а подаркам взрослый человек не доверяет. Он ищет подвох, прикидывает объём возни и решает не связываться. С перерасчётом таких сомнений не бывает: взяли лишнее — вернули лишнее, скучная бухгалтерия. Эта глава о том, что вычет — второй случай, а не первый.

Поводы для перерасчёта не нужно создавать нарочно, подстраивая под них жизнь. Они уже случились: кто-то в прошлом году лечил зубы, кто-то платил за учёбу, кто-то вносил проценты по ипотеке. Обычный год, прожитый обычным образом, уже содержит несколько таких поводов. Требуется для возврата ровно одна вещь, и о ней впереди отдельный разговор.

Об этих деньгах никто не напомним. Не из вредности — просто напоминать некому: из всех заинтересованных лиц у этих денег есть только вы. Они не сгорают тридцать первого декабря и не растворяются со сменой календаря. Они лежат и ждут — за прошлый год, за позапрошлый ещё лежат; лежат, пока вы читаете эту страницу. Это единственные лёгкие деньги во всём разговоре о налогах: их можно забрать, ничего в своей жизни не меняя.

2.1. Это не льгота

В феврале в платёжке за квартиру появляется строка «перерасчёт» и минус восемьсот рублей. Осенью дом топили по нормативу, зима вышла тёплой, показания сверили — разницу вернули. Никто не пишет управляющей компании благодарственных писем. Никто не рассказывает соседям, что ему помогли.

Об этой строке говорят у лифта спокойно, как о погоде: пересчитали, вернули.

Устройство понятно каждому без объяснений: это не помощь. Взяли вперёд больше, чем вышло по счётчику, — разницу отдали. Возврат переплаты не бывает добрым или щедрым; он бывает только правильным или неправильным. Минус восемьсот в февральской платёжке — правильный.

С налогом на доход работает та же механика, только переплату там не видно из платёжки. Вот она, в двух фразах. Вы отдали тринадцать процентов со всего заработка. Часть заработка ушла на лечение и учёбу — с этой части налог возвращают.

В числах это выглядит так. За год заработано 600 000; тринадцать процентов от них — 78 000 — удержаны и уплачены. Из заработанного 100 000 ушли на зубы и на курсы ребёнка; тринадцать процентов от этой части — 13 000 — взяты лишними; их и возвращают. Формула умещается в одну строку: потраченное на лечение и учёбу умножить на 0,13; подставьте свои числа вместо этих.

Откуда здесь берётся переплата. Правило устроено так: с денег, потраченных на лечение и учёбу, этот налог не берётся. Заплачено со всего, а полагалось — не со всего; разница и есть переплата, и её возвращают.

По устройству это та же тёплая зима из платёжки. Работодатель удерживает по нормативу — тринадцать процентов со всего, ровно и вслепую. А год идёт по счётчику: в нём случаются пломбы, курсы, проценты по ипотеке, и норматив с ним не совпадает почти никогда. По итогам года можно сверить показания и забрать разницу — точно как с отоплением, только суммы здесь другие. Заметно другие.

При одной механике ощущаются эти два возврата по-разному. Восемьсот рублей переплаты вы видели: вот платёжка, вот сумма, вот ваша рука, которая её вносила. А тринадцать

процентов с зарплаты вы не держали в руках ни разу — их удерживают до того, как деньги доходят до вас. Единственное место, где эти деньги вообще существуют для вас, — строка «удержано» в расчётном листке, который мало кто открывает.

Спросите человека, сколько он заплатил налога с зарплаты за прошлый год, — он не ответит. Тот же человек назовёт до рубля, сколько отдаёт за квартиру, за интернет и за спортзал. Разница не в памяти, а в маршруте: те деньги проходили через его руки, эти — только через его листок. Трудно чувствовать своим то, чего не видел, — вот почему возврат невидимой переплаты так похож на подарок.

Но подарок — это когда дают чужое. Льгота — когда с кого-то берут меньше, чем со всех. Здесь не происходит ни того ни другого: вам отдают ваше, взятое вперёд и не глядя. Для этой операции в языке давно есть слово, и это слово — перерасчёт.

Смена категории меняет поведение. За подарком неловко идти самому: вроде выпрашиваешь. Подарка можно не заслуживать, подарок можно постесняться взять. К перерасчёту всё это неприменимо: никому не приходит в голову стесняться минуса в платёжке или чувствовать себя ему обязанным.

Проверить разницу легко на себе. Если бы банк по ошибке списал с карты лишнюю тысячу, вы бы позвонили в тот же день — и не считали бы это ни жадностью, ни выпрашиванием. Возврат налоговой переплаты — та же ошибочно списанная тысяча, только списание было не ошибкой, а авансом, и звонить надо не в банк. Отношение к деньгам от этого меняться не обязано.

Есть, правда, одно отличие от коммуналки, и о нём честно. Управляющая компания пересчитала сама — у неё показания счётчиков на руках. Налоговой пересчитывать не из чего: сколько вы отдали за пломбу и за курсы ребёнка, она узнаёт от вас, а не наоборот. Поэтому за возвратом переплаты по отоплению идти никуда не надо, а за этим — надо: заявить и показать, на что ушли деньги.

Звучит как барьер, но по сути это те же показания счётчика, переданные вручную. Дом передаёт их автоматически, ваш год — нет; вот и вся разница между двумя перерасчётами. Тот, кто раз в месяц диктует цифры с водяного счётчика, уже умеет всё, что здесь требуется.

Осталось разобраться со словом, с которого всё началось. «Вычет» — слово из бухгалтерии той стороны, которая считает налог: это у них что-то вычитается, из налоговой базы, в их ведомостях. С вашей стороны никакого вычета нет — с вашей стороны есть возврат. Слово смотрит на ваши деньги с чужого рабочего места, и оттуда они выглядят расходом.

Язык от этого слова путается сам. Люди говорят «получить вычет» — получить то, что вычли; фраза не сходится, как «выиграть проигрыш». Так бывает, когда явление называли не с той стороны: называли со стороны ведомости, а пользоваться словом приходится человеку, к которому деньги возвращаются. Налоговой это слово удобно; удобно ли оно вам — вас, надо признать, не спрашивали.

Так плохое слово делает свою тихую работу: человек, у которого лежит переплата за два года, морщится и проходит мимо собственных денег. Плохое название стоит дороже, чем кажется: у него есть вполне измеримая цена, и платит её не тот, кто слово придумал.

Восемьсот рублей из февральской платёжки никто забрать не постеснялся: там операция называлась честно. Со своим налогом почему-то иначе — и похоже, что виновато слово.

2.2. За что возвращают

В памяти прошлый год — это отпуск, два дня рождения и, кажется, снежный январь. В бумагах тот же год выглядит иначе: февральская пломба, весной — автошкола, с сентября — секция у ребёнка, и каждый месяц — проценты банку за квартиру. Память хранит события. Бумаги хранят расходы.

И часть этих расходов оплачена дважды. Один раз — врачу, школе или банку. Второй раз — налогом: его удержали с этих денег заранее, хотя именно с них брать не полагалось. Вторую оплату возвращают — вопрос лишь в том, какие статьи года в неё попадают.

Каких расходов это касается, обычно представляют смутно. Кто-то слышал про квартиру, кто-то — про лечение, и почти никто не видел перечень целиком. Он и не попадает целиком: справочники устроены под конкретный вопрос, и человек, который ищет про пломбу, узнаёт про пломбу — а про спорт и пенсию не узнаёт никогда, потому что не спрашивал. Вот перечень одним куском, по строке на пункт — что это и почему касается вас.

— Лечение и лекарства по рецепту: от пломбы до операции, плюс то, что врач выписал, а вы купили в аптеке.

— Обучение, своё и детей: университет, курсы, автошкола, языковая школа.

— Спорт: абонемент в зал, бассейн, секция ребёнка.

— Проценты по ипотеке: не сам кредит — та часть, которую вы отдаёте банку сверху.

— Покупка жилья: случается раз или два в жизни, зато самый крупный пункт списка.

— ИИС — счёт для вложений: вы кладёте туда деньги, а налог с отложенного возвращается.

— Вносы на будущую пенсию: то, что вы доплачиваете в неё сами, добровольно.

Семь пунктов. Ни одного экзотического: это не список для избранных с особыми обстоятельствами, это опись обычной жизни. Врач, учёба, спорт, жильё, старость — по этим статьям год проходит у большинства, просто никто не раскладывал его на пункты.

В строках нарочно нет сумм. У каждого пункта есть свои потолки и оговорки, они время от времени меняются, и место им — в приложении налоговой, где они всегда свежие, а не в книге, где они устареют к третьему тиражу. Книге важно другое: чтобы вы узнали в этом перечне собственный год. Потолки подождут до вечера.

Самые неожиданные строки здесь — нижние. Про спорт мало кто слышал: он появился в перечне недавно и не успел обрасти историями. Про пенсию и счёт для вложений не слышал почти никто — и меньше всего о них знают ровно те, кого они касаются. Перечень известен обратно пропорционально пользе.

Есть и слепое пятно посередине. Слова «своё и детей» в строке про обучение читают наполовину: за детей возвращают многие, а взрослый, заплативший за собственную автошколу или курсы, о возврате не думает вовсе. Учёба в его голове — детская статья расходов; его собственная почему-то не считается.

У перечня плохая репутация, и понятно почему. О возврате принято вспоминать в одном случае — при покупке квартиры: сумма там крупная, о ней рассказывают знакомым, она и закрепилась в голове как «тот самый случай». Квартиру покупают раз в жизни. Выходит, что и возврат человек мысленно назначил себе раз в жизни — а он про каждый год.

Работает это через истории. Коллега, вернувший налог за квартиру, расскажет об этом в обед — сумма достойна рассказа. Никто не рассказывает в обед, как вернул за пломбу: сумма не для историй. Так крупный редкий повод обрастает славой, а мелкие ежегодные остаются без рекламы — и без денег, потому что о них не помнят.

Между тем пломба ставится ежегодно. Секция оплачивается ежегодно. Проценты банку уходят ежемесячно. Мелкие поводы не выглядят поводами именно потому, что мелкие, — но они повторяются, а редкий крупный случается однажды; за десять лет ежегодная мелочь складывается в сумму того же порядка, что и разовое событие.

Отдельная путаница — с ипотекой. Возврат за покупку жилья и возврат за проценты банку — две разные строки списка, и вторую забывают чаще: про квартиру человек вспомнил в год покупки, а проценты идут все двадцать лет, и все двадцать лет с них можно возвращать. Самый долгий пункт перечня оказывается самым забытым.

Теперь про срок, потому что здесь прячется вторая хорошая новость. Вернуть можно не только за прошлый год — за три последних года. Деньги за позапрошлый год ещё лежат. И за год перед ним — тоже лежат.

Это меняет арифметику первого раза. Человек, который не возвращал никогда, обычно машет рукой: поезд ушёл. Поезд стоит — три года на одном месте, и всё это время в него можно сесть. Первый возврат может оказаться тройным: три года, в каждом из которых была своя пломба, своя секция и свои проценты.

Правда, у срока есть и другой конец. Каждый январь один год из трёх уходит насовсем — вместе со всем, что в нём лежало. Деньги за него не сгорают с шумом и не приходят прощальным напоминанием; они просто перестают быть вашими, тихо и окончательно. Единственные деньги во всей механике возврата, у которых есть срок годности.

Заметьте, в какую сторону тут работает время. Обычно просроченное — это то, что вы не заплатили, и просрочка стоит денег. Здесь просроченным становится то, что не забрали вы, — редкий случай, когда опоздание обходится не штрафом, а недополученным. Календарь один и тот же, направление другое.

И если на вашем календаре конец года — дверь за третьим, самым дальним годом закрывается где-то совсем рядом. Не в переносном смысле: с боем курантов его пломбы, секции и проценты перестанут существовать для возврата. Два оставшихся года подождут. Этот — нет.

Посмотрите на список ещё раз и вспомните свой прошлый год. Не чей-то усреднённый, а собственный: с его врачами, квитанциями и сентябрьскими сборами ребёнка.

Пломба или что-то у стоматолога — было почти наверняка. Если в доме есть ребёнок — были секция, курсы или репетитор. Если есть ипотека — проценты капали каждый месяц без пропусков. Скорее всего, три пункта из семи — про вас.

Проверка занимает минуту и не требует бумаг — только память. Зима: кто-то из семьи был у врача, потому что зимой у врача бывают все. Весна и осень: платежи за учёбу и секции, у них школьный ритм. Круглый год, ровным фоном: проценты банку, если есть ипотека, и абонемент, если есть зал.

Список из книги на этом закончился; начался ваш собственный, и он единственный из двух чего-то стоит. У книжного списка семь пунктов и ни одного рубля. У вашего пунктов меньше, зато за каждым стоит настоящая сумма — уже заплаченная, до копейки: врачу, школе, банку. Осталось выяснить, что от этого года осталось на руках.

2.3. Условие ровно одно

Зуб заболел в октябре, как всегда — не вовремя. Клиника оказалась приличной: чисто, вежливо, врач объяснял, что делает. Лечение вышло на 80 000 — имплант, это всегда дорого. На ресепшне администратор понизила голос: если наличными, будет дешевле.

Дальше всё произошло само собой и очень буднично. Он снял наличные, отдал, ему улыбнулись. Никаких бумаг не возникло — а он и не спрашивал: жест был бы почти невежливым, как пересчитывать сдачу при друге. Дешевле, быстро, по-человечески. Сделка, которой остались довольны обе стороны.

Стоит разглядеть, как аккуратно это устроено. Предложение прозвучало как забота — вам же дешевле; отказ от бумаг выглядел как доверие — мы же не чужие. Человек экономил деньги, а чувствовал, что укрепляет отношения. Попросить документы в такой атмосфере — всё равно что достать калькулятор на дружеском ужине: можно, но что-то в комнате изменится.

Поэтому не попросил. Не по глупости и не по лени — по вежливости, то есть по самой уважительной из причин. Так поступает большинство, и ровно поэтому история стоит того, чтобы досмотреть её до конца — до цифр.

Теперь — единственное условие возврата, всё то, что отделяет человека от его тринадцати процентов. Условие одно: след. Бумага о том, что вы заплатили, и бумага о том, за что именно, — подтверждение оплаты и подтверждение услуги, по-человечески говоря. Точный состав бумаг подскажет приложение или сама клиника; книга — не инструкция, ей важно другое слово. След.

В воображении на месте этого условия обычно стоит другое — квест. Очереди, кабинеты, «придёте завтра», формы с непроизносимыми номерами. Воображаемая цена входа так высока, что проверять её идут немногие; между тем весь вход давно ужался до заявления в личном кабинете налоговой. Квест остался в воображении — условие осталось одно.

Не нужно быть особым человеком: возврат не спрашивает про должность и стаж. Не нужно особых расходов: пломба подходит так же, как имплант. Не нужен юрист, не нужны связи, не нужно ничего доказывать с боем. Нужно единственное — чтобы от денег остался след, по которому видно: этот человек, эта услуга, эта сумма.

Повод и след работают только парой. Повод без следа — ноль: лечение было, но для возврата его как бы не было. След без повода — тоже ноль: бумага о покупке телевизора никого не интересует. По отдельности каждый из них ничего не стоит; деньги возвращает только пара.

При этом след — не то, что добывают. В обычной сделке он возникает сам, без чьих-то усилий: касса пробила, банк записал, клиника оформила — три записи появились раньше, чем человек дошёл до гардероба. Следу не надо помогать родиться. Его можно только стереть — что и произошло в октябре, одним понижением голоса на ресепшене.

Проведём инвентаризацию октябрьского визита. Подтверждение оплаты: нет — наличные ушли из рук в руки, банк про них не знает, касса промолчала. Подтверждение услуги: нет — договор не заключали, «мы же не в суде». Есть здоровый зуб и воспоминание о вежливом враче; воспоминание в пару к поводу не поставишь.

Причём стёрт след тщательно, с обеих сторон сразу. Снял наличные заранее — исчезла банковская запись. Согласился без кассы — исчезла кассовая. Не спросил договор — исчезла последняя. Три записи, которые в обычной сделке возникают сами, здесь аккуратно не возникли ни одна, и на каждую ушло не больше секунды.

Заметьте: 80 000 никто не отнимал. Они честно потрачены на настоящее лечение — самый законный из всех поводов, первая строка перечня. Повод есть. Деньги были. Пары не вышло: второго участника стёрли на ресепшене.

Считаем. Возврат, который полагался с этого лечения: 13% от 80 000 — это 10 400, формула уместается в одно умножение. Скидка, ради которой всё затевалось: обычно около 5%, здесь — 4 000 с той же суммы. Возврат — 13%. Скидка — 5%. Точка.

Оба числа человек выбрал сам, в одну и ту же секунду — ту, на ресепшене. Просто первое число ему назвали вслух, а второе не назвал никто: администратор не обязана, а сам он про него не знал. Выбор между 4 000 и 10 400 состоялся втёмную, при одном освещённом варианте.

И освещение здесь никогда не поменяется само. «Наличными дешевле» произносят вслух, потому что это выгодно тому, кто произносит. Фразу «безналом вам вернётся втрое больше скидки» не произнесёт никто — не из злого умысла, а потому, что ваш возврат не входит ни в чью работу, кроме вашей. Второе число всю жизнь будет произнесённым; знать его — забота одного человека в этой сцене.

У скидки перед возвратом есть ещё одна фора — время. Скидка случается сейчас, в кассе, наличными в кармане; возврат — потом, после заявления, через недели. Сейчас против потом — неравный бой, даже когда потом больше вдвое. Здесь оно больше не вдвое.

В этом, пожалуй, самое обидное устройство таких сделок. Человек не проигрывает спор — спора нет; он соглашается на выгодное, не видя, что рядом лежало выгоднее. «Дешевле» было правдой. Правдой было и то, о чём промолчали.

4 000 он получил в тот же день, наличными скидка и ощущалась. А 10 400 лежат там же, где вся невидимая переплата, — три года, терпеливо. С одной разницей: за ними теперь не сходишь. Лежат — но уже не его.

2.4. Считаем

Для этого расчёта хватит кухонного стола, телефона с калькулятором и одного вечера. Семья: двое взрослых, один ребёнок, белые зарплаты, ипотека — самая обычная конструкция. Год у семьи тоже обычный: никто не покупал квартиру и не оплачивал операций, всё сплошь рутина. Посчитаем этот год дважды — и сравним два итога.

Числа для такого расчёта не нужно вспоминать — они записаны. История платежей в банковском приложении помнит год лучше любого дневника: клиника, школа искусств, зал, банк — всё с датами и суммами. Полчаса пролистывания — и год разложен по кучкам. Останется два умножения.

Первый счёт — то, что семья может вернуть. Прозой, в строку. Лечение за год — зубы у обоих взрослых, анализы, пара визитов с ребёнком — 60 000. Обучение ребёнка — курсы и кружок, 4 000 в месяц весь учебный год — 48 000.

Дальше. Спорт — абонемент в зал и секция — 30 000 на всех. Проценты по ипотеке — не платёж целиком, а то, что уходит банку сверх долга, — за год 300 000; у молодой ипотеки проценты съедают большую часть платежа, это её известное свойство. Сколько именно съели за год, банк знает до копейки и говорит по первой просьбе — эту сумму даже не придётся собирать по платежам.

Складываем и умножаем. Расходов набралось $60\,000 + 48\,000 + 30\,000 + 300\,000 = 438\,000$. Возврат — тринадцать процентов от этой суммы: $438\,000 \times 0,13 = 56\,940$. Назовём это число X: столько лежит для этой семьи по итогам одного обычного года.

Тут нужна честная оговорка, потому что число получилось видное. Львиную долю в нём делает ипотека: уберите её — останется 138 000 расходов и $138\,000 \times 0,13 = 17\,940$ возврата. Семья без ипотеки считает по той же формуле, но итог у неё скромнее втрое. Запомним оба варианта X — большой и скромный, — они оба нам понадобятся.

Второй счёт — то, что семья экономит наличными расчётами. Тот же самый год, те же люди. За год случились три сделки «без бумаг, зато дешевле»: репетитор для ребёнка — 2 000 за занятие, сорок восемь занятий, 96 000 за год; мастер по мелкому ремонту — 70 000; стоматолог — тот самый, октябрьский, с теми же 80 000. Скидка в таких сделках обычно около пяти процентов.

Каждая из трёх в свой момент ощущалась маленькой победой. Репетитор «без бумаг» вышел дешевле, чем сосед платит своему; мастер скинул за наличные, не торгуясь; у стоматолога сумма и так пугала, скидка её очеловечила. Три раза за год семья выходила из сделки с чувством, что сыграла неглупо.

Считаем экономию по каждой строке: репетитор — $96\,000 \times 0,05 = 4\,800$; мастер — $70\,000 \times 0,05 = 3\,500$; стоматолог — $80\,000 \times 0,05 = 4\,000$. Итого $4\,800 + 3\,500 + 4\,000 = 12\,300$. Назовём это число Y: столько семья выиграла за год на всех «дешевле» сразу.

Прежде чем сравнивать — почему это сравнение никогда не происходит само. Y человек чувствует кожей: скидка случается в конкретную секунду, в кассе, с суммой на слуху — три раза в год семья физически переживала свою экономию. X не переживается ни разу: он не случается в какой-то момент, он просто тихо лежит, а лежащее не щиплет. Сравнить ощутимое с неощутимым голова отказывается — поэтому сравнение приходится делать на бумаге, руками.

Обе формулы теперь опубликованы, и обе уместятся в строку. X — сумма расходов на лечение, учёбу, спорт и проценты, умноженная на 0,13. Y — сумма наличных сделок года, умноженная на 0,05. Осталось поставить числа рядом.

С ипотекой: 56 940 против 12 300 — X больше Y в четыре с половиной раза. Без ипотеки: 17 940 против 12 300 — больше в полтора раза. Полтора — число неэффективное, и оно останется в книге как есть: подгонять его до красивого — значит врать, а враньё в расчёте читатель находит быстрее, чем автору хочется думать.

Подогнать, к слову, было бы несложно, и стоит показать, как это делается, — чтобы приём был виден издали и в других книгах. Берётся семья с двумя детьми, дорогой ипотекой и платной учёбой — X раздувается до шестизначного. Наличные сделки, наоборот, урезаются до одной. Получилось бы «в двадцать раз» — и не стоило бы ничего, потому что читатель подставил бы свои числа и поймал книгу за руку на первой же странице с калькулятором.

К тому же полтора раза — это ещё не вся разница, потому что два столбика не независимы. Наличный стоматолог принёс 4 000 в столбик Y — и одновременно унёс 10 400 из столбика X : его 80 000 остались без следа и из возврата выпали. Каждая такая сделка работает дважды — прибавляет мелочь справа и вычёркивает строку покрупнее слева. Столбики соединены сообщающимся сосудом, и переливается по нему всегда в одну сторону.

Ради честности — не каждая сделка соединена. Мелкий ремонт в перечень поводов не входит: его 3 500 экономии по меркам этого расчёта чистые, из X им вычёркивать нечего. Формула не требует, чтобы наличные проигрывали всегда и везде, — ей достаточно того, что там, где сделка совпадает со строкой перечня, скидка 5% и возврат 13% дерутся за одни и те же деньги. Исход этой драки задан двумя ставками заранее.

Можно пересчитать год этой семьи с учётом соединения. Если все три наличные сделки провести со следом, Y исчезает — минус 12 300; зато в X добавляется как минимум стоматолог — плюс 10 400, а у скромного варианта X это рост более чем в половину. Экономия и возврат конкурируют за одни и те же сделки, и проигрывает в этой конкуренции всегда одна сторона стола.

Осталось сказать, чем этот расчёт не является. Он не доказательство, что у любой семьи выйдет так же: у кого-то нет ипотеки, у кого-то нет репетитора, у кого-то год без единого врача. Он — опубликованная формула с открытыми допущениями. Вечер, кухонный стол, свои числа вместо условных — и у вас будет собственная пара X и Y , единственная, которая имеет значение.

Кстати, именно поэтому числа здесь условные, а не «средние по стране». Среднее притворилось бы фактом, требовало бы источника и устаревало бы с каждым годом; условное число не притворяется никем — оно честно стоит на месте, которое читатель займёт своим. Из двух видов чисел книга всюду выбирает то, которое можно заменить, а не то, которому положено верить.

Напоследок можно посчитать и сам вечер за столом. Пролистать историю платежей и сделать два умножения — час, с перекурком. Если по итогам часа обнаружится хотя бы скромный X в 17 940 — выйдет почасовая ставка, которую мало какая работа предложит человеку без подготовки и диплома. Считать свой год оказывается самым высокооплачиваемым занятием года — смешное следствие, но формула выдаёт его честно.

Год в этом расчёте был один. Одни и те же люди, зубы, кружки и квадратные метры. Разными оказались только записи об этом годе — и цена, по которой каждая из записей принимается обратно.

2.5. Кому не вернут

У Валентины Петровны с пятого этажа этой зимой выдался дорогой февраль. Колено, снимки, платная клиника — врачей она выбирает тщательно и на здоровье не экономит. Заплатила из серванта, из конверта: квартира, которую она сдаёт, приносит наличными, и лечится

Валентина Петровна тоже наличными. Так у неё устроен весь домашний оборот, и устроен давно.

Система серванта отлажена годами и работает без сбоев. Двадцать пятого числа жилец заносит конверт; из конверта — на жизнь, на врачей, на подарки внуку; остаток в дальний ящик, на чёрный день. Никаких банков, никаких историй платежей, всё под рукой и всё своё. Валентина Петровна довольна этой системой и не без оснований: система ни разу её не подвела.

Про возврат ей рассказала соседка по подъезду — та самая семья с калькулятором могла бы жить этажом ниже. Тринадцать процентов с лечения возвращают, сказала соседка, мы вернули, в этом году особенно кстати вышло. Валентина Петровна женщина практичная: у неё за зиму набежало прилично, тринадцать процентов с этого — деньги, а не мелочь. Она попросила внука посмотреть, как это делается.

Внук посмотрел. Поводы — есть: лечение, первая строка перечня, всё как у людей. Следы — есть: клиника у Валентины Петровны приличная, с кассой, бумаги ей выдали не спрашивая. По всем статьям она подходила — повод и след, готовая пара; не хватило третьего — того, что у человека с зарплатой есть по умолчанию. Упёрлось всё не в бумаги, не в очереди и не в чей-то отказ — в арифметику, простую до обидного.

Возврат — это возврат: отдают не чьи-то деньги, а ваши же, удержанные заранее. С доходов Валентины Петровны заранее не удерживали ничего — квартира платит ей мимо всякой кассы, целиком, до копейки. Переплаты нет. Возвращать нечего.

Формула здесь — самая короткая из всех. Возврат — тринадцать процентов от внесённого; внесено ноль, и $0 \times 0,13 = 0$. С этим равенством не поспоришь, его не обжаловать и не обойти — не потому, что оно строгое, а потому, что в нём нечему уступать.

Деньги семьи с калькулятором ездят туда и обратно: тринадцать процентов уезжают с каждой зарплатой и частями возвращаются после каждого посчитанного года. Деньги Валентины Петровны никуда не ездят — они приходят целиком и целиком остаются в серванте. У неподвижных денег не бывает обратного билета; обратный билет выдают только тем деньгам, которые куда-то уезжали.

Одно и то же колено в одной и той же клинике теперь стоит соседкам по-разному. Снимки и лечение — 40 000 у обеих. Соседке снизу вернётся $40\,000 \times 0,13 = 5\,200$, и её колено обошлось в 34 800. Колену Валентины Петровны цена — ровно 40 000: те же врачи, тот же преискурент, а итог дороже — ровно на те 5 200, которые соседке вернутся.

Заметьте, чего в этой истории нет. Нет отказа: никто не рассматривал дело Валентины Петровны и не выносил решения. Нет наказания: в правилах не существует пункта про неё, её никто не вычислил и не пометил. Есть перерасчёт, который честно пересчитал её переplату, — а переplаты не было. Тёплая зима не возвращает денег тому, кто не платил за отопление.

Возражать здесь некому и не о чем: формула не знает, кто такая Валентина Петровна, и знать не обязана. Она просто умножила ноль на 0,13 — с тем же равнодушием, с каким умножала чужие 438 000.

В этом главное отличие пустого места от запрета. Запрет можно оспорить, обойти, отменить — у запрета есть автор, с которым можно спорить. У пустого места автора нет. Валентина Петровна не может вернуть за лечение ни рубля — не потому, что её наказали, а потому, что вычитать не из чего.

Пустое место к тому же невидимо изнутри. Оно не приходит письмом, не списывается со счёта, не встречается в серванте — сервант полон, и полон честно заработанным. Увидеть его можно только со стороны, из чужой квартиры: у соседей на этом месте что-то лежит, у тебя — ничего. Валентина Петровна и прожила бы с ним всю жизнь не глядя, если бы соседка не рассказала про свой февраль.

И это единственный способ вообще не участвовать в этой механике. Не бывает маленького возврата за наличный год — бывает никакого. Семья с кухонным калькулятором может

спорить о размере своего X; у Валентины Петровны нет X, о котором можно спорить. На месте самого числа — то самое пустое место.

Она, к слову, восприняла новость спокойно — пожала плечами и убрала конверт обратно в сервант. Не расстроилась, не возмутилась: нет так нет, не больно-то и хотелось. Внуку сказала, что все эти проценты — морока, а у неё всё своё и всё на месте. В сервантной системе координат она права: там действительно всё на месте, до последней купюры.

Мелким шрифтом: конструкция, надо признать, изящная — уклониться от неё нельзя именно потому, что она никого не держит. Налоговая, надо думать, не нарочно. Так получилось само.

Сами деньги всё это время никуда не делись. Они по-прежнему лежат — за прошлый год, за позапрошлый ещё лежат: пломбы, секции, проценты, посчитанные и не посчитанные, с формулой в одну строку и сроком в три года. Лежат у тех, за кого их вносили — заранее, вслепую, по нормативу.

А у Валентины Петровны на этом месте ничего не лежит. Не забрали, не отняли, не заморозили — там просто никогда ничего не появлялось. Пустое место не болит и не напоминает о себе; она узнала о нём случайно, от соседки, и назавтра, вероятно, забыла.

Это первая цена неуплаты — и обратите внимание, какая она тихая. Ни штрафа, ни письма, ни чьего-либо интереса: механизм, который возит деньги другим, рядом с ней просто молчит. Дорогие вещи вообще редко шумят. Самые дорогие — молчат так, что о них узнаёшь от соседки.

Глава 3. Серая зарплата: счёт на потом

Конверт приятен на ощупь. В нём лежит сумма, которая на карту не пришла бы: с карты вечно что-то удерживают, а здесь — всё целиком, до рубля. Ощущение прибавки. Как будто вам доплатили за готовность не усложнять.

Физически произошло другое. Работодатель не заплатил за вас в фонды — деньги, которые копились бы на вашу пенсию, ваш больничный, ваш декрет. Эти деньги остались у него. Вам достался конверт — кусок цены вашего труда, выданный наличными.

То есть прибавка пришла не сверху вашей зарплаты, а изнутри неё. Вы получили сейчас кусок того, что работало бы на вас потом. Разницу оставил себе человек, который вручил вам конверт.

Ощущение и устройство здесь разошлись, и разошлись сильно. По ощущению вам дали — по устройству у вас взяли, причём взяли с вашей же помощью: вы профинансировали чужую экономию из собственной будущей пенсии. Такой сделки в обычной жизни не бывает; в жизни с конвертом она случается каждый месяц, десятого числа.

Дальше эта сделка живёт своей жизнью, и жизнь у неё длинная. По ней наступают сроки — не скоро, зато все сразу. По ней выясняется, что человек с приличным заработком не может этот заработок никому показать. По ней однажды перестают платить вовсе — и спросить оказывается не с кого.

В этой сделке есть заёмщик и есть кредитор. Заёмщик о ней знает: он её придумал, посчитал и выдал конвертом. Кредитор — нет. Он стоит с конвертом в руках и чувствует себя человеком, которому доплатили.

3.1. Заём под ноль процентов

Десятое число, зарплата. На карту приходит официальная часть — скромная; вы привыкли к ней не присматриваться. Остальное — наличными: где-то раздают конверты в бухгалтерии, где-то просто отдают в кабинете, купюрами, без церемоний. Ритуал в каждой конторе свой, суть одна.

Две суммы даже ощущаются по-разному. Официальная — цифра в приложении банка, её никто не пересчитывает. Конвертная — тёплая, наличная, её можно поддержать. Обсуждать это не принято, да и незачем: у нас все так работают, отчего кажется, что схема — просто погода, в которой все живут.

Погода тут ни при чём. Произошла сделка, у неё есть стороны и есть условия. Разберём медленно и без оценок — что произошло с деньгами.

С официальной части всё как обычно: тринадцать процентов удержали, взносы работодатель заплатил сверху, от себя. С остальной части не произошло ничего. Ни налога, ни взносов — ни рубля в вашу пенсионную историю, в ваш будущий больничный, в ваш возможный декрет.

Но деньги, которые туда не ушли, не растворились в воздухе. Они существуют и лежат в конкретном месте — у работодателя. Он не заплатил, значит, сэкономил. А вся серая часть цены вашего труда — вместе с сэкономленным — лежала у него, и её надо было куда-то деть.

Он и дел. Часть — вам, в конверт. Часть — себе. Обязательно себе: если бы он отдавал вам всё, затея не имела бы для него смысла — никто не выстраивает схему, чтобы выйти в ноль.

Мелким шрифтом. В документах это называется «страховые взносы» — словосочетание, которое ни один живой человек не произносил вслух добровольно. У ведомств вообще талант называть ваши деньги так, чтобы они переставали казаться вашими.

Теперь вопрос, который в день зарплаты не приходит в голову: чьи деньги он сэкономил.

Взносы — не подарок работодателя государству. Это часть цены вашего труда — та, которая выплачивается не в руки, а вперёд, на время вашего отсутствия на работе: в болезнь, в декрет, в старость. Работодатель платит её не из щедрости, а потому что столько стоит ваш найм.

Когда он перестаёт её платить, цена вашего труда падает. А выглядит всё наоборот: на руки — больше. Весь фокус в том, что кусок вашего «потом» выдали вам сейчас, наличными, и назвали прибавкой.

Считаем. Пусть в конверте — 40 000 в месяц. Возьмём откровенно условную прикидку: сверх этой суммы в фонды ушла бы примерно треть, около 13 000. За год: $13\,000 \times 12 = 156\,000$ — столько ежегодно не доходит до ваших фондов и остаётся в его обороте; подставьте свои числа: треть от серой части, умноженная на двенадцать.

И вот здесь сделка переворачивается. Смотрите, кто в ней кто.

Деньги, которые работали бы на вас, остались у него — и работают на него. Он ими пользуется: платит поставщикам, закрывает кассовые разрывы, покупает что считает нужным. Это и называется заёмными средствами — с той разницей, что банку за такие деньги платят процент, а вам не платят ничего.

Причём это не фигура речи, а прямая альтернатива. Те же самые деньги он мог бы взять в банке — кредитной линией, под живой процент, с залогом и с человеком, который звонит при просрочке. Вместо этого он берёт их у вас: без процента, без залога и без звонков. С его стороны это отличная сделка, и он её условия прекрасно понимает — он их и составил.

Вы вторая сторона той же сделки — та, что сидит напротив. И понимать тут стоит одно: он не «немного экономит на налогах» — он кредитует. У вас.

В этой сделке вы кредитор. Вы выдали заём — не заметив этого, без подписи и без спроса, но выдали: ваши будущие деньги остались в чужом обороте и крутятся там годами.

Почему кредитор этого не замечает — объяснимо. Взносы никогда не проходят через руки: их не выдают и не удерживают на глазах, они существуют где-то между бухгалтерией и фондами. А деньги, которых вы не держали в руках, не ощущаются своими — их не жалко, потому что нечего вспомнить. Одолжить то, чего как бы нет, можно совершенно безболезненно.

Только «как бы нет» — свойство ощущения, а не денег. Деньги есть, у них есть сумма, и они сейчас не у вас.

Условия у займа такие. Ставка — ноль: за двадцать лет пользования вашими деньгами вам не доплатят ни рубля. Срок — до пенсии: раньше, чем вам понадобится больничный, декрет или старость, возврат не предусмотрен. Обеспечение — отсутствует: ни расписки, ни договора, ни графика платежей.

Про ставку добавлю одно наблюдение. Ноль — это не «ничего», это меньше, чем ничего: самый скромный вклад за двадцать лет хоть что-то приносит, а рубль, пролежавший двадцать лет без движения, к концу срока уже не сегодняшний рубль. Заём под ноль на такой срок — заём себе в убыток. Банкиры за подобные условия увольняют.

Последний пункт стоит перечитать отдельно. Отсутствие бумаг — не небрежность, а конструкция: серая часть потому и серая, что нигде не записана. Это кредит, единственное доказательство которого — память заёмщика.

Ни один банк не выдал бы денег на таких условиях. Ни один взрослый человек, увидев такие условия на бумаге, не поставил бы под ними подпись. Вы и не ставили — в этом всё дело.

Хотя один момент, когда условия прозвучали вслух, был. Собеседование: «зарплата такая-то, официально проводим поменьше». Вы кивнули — потому что спрашивали вас про работу, а не про заём, и слово «кредит» в комнате не звучало. Этот кивок — вся письменная часть вашего договора.

И здесь надо сказать прямо одну вещь, она важнее расчётов. Вы эту сделку не придумывали и условий не выбирали. Вам так платят — формулировка точная: платят вам, а решают за вас. В этом договоре вы пострадавшая сторона.

Но у пострадавшего кредитора заём не перестаёт быть займом. Ставка по нему по-прежнему ноль, срок по-прежнему до пенсии. А у всякого займа, даже беспроцентного, есть день, когда по нему приходит расчёт — и приходит он не тем, чем брали.

3.2. Чем возвращают

Есть документ, в котором вы зарабатываете двадцать тысяч. Не тот вы, который каждый месяц пересчитывает конверт, а вы официальный — тот, что существует в выписках. Этот второй вы работаете на той же работе, в той же комнате, но получает втрое меньше.

Выписку можно открыть в личном кабинете — это минутное дело. Годы лежат в ней ровными строчками: двадцать тысяч, двадцать тысяч, двадцать тысяч. Ни премий, ни роста, ни того года, когда вы тащили два проекта сразу, — биография человека, у которого никогда ничего не происходило.

Забавного здесь мало, потому что заём возвращают не вам лично, а ему. Все выплаты, которые приходят человеку от фондов, считаются от официального заработка. Не от того, что вы получаете, — от того, что записано.

Со вторым собой вы почти не пересекаетесь. Он появляется в редкие моменты — когда нужна выписка, справка, что-то бумажное — и всякий раз слегка удивляет: неужели это я. Между тем он существует непрерывно, и каждый конверт делает его беднее относительно вас: вы получили 60 000, он заработал 20 000, и в его биографию месяц лёг именно так.

Проблема в том, что у него, а не у вас, накапливается стаж и копятся взносы. И платить в будущем фонды станут ему — по его биографии, не по вашей.

Таких выплат три: пенсия, больничный, декрет. Это и есть валюта, которой возвращают беспроцентный заём, — и по всем трём расчёт идёт со вторым вами, с тем, что на двадцати тысячах.

Валюта, заметьте, неудобная. Деньгами на счёт заём не вернут никогда — только размерами будущих выплат, и получить их можно лишь в комплекте с событием: болезнью, ребёнком, возрастом. Отказаться от события нельзя, перенести на удобный месяц тоже.

Возьмём для всех трёх платежей одну условную пару чисел — ту же, что и раньше. На руки — 60 000: официальная часть 20 000 плюс конверт 40 000. Все цифры дальше откровенно условные, но формулы открыты — подставляйте свои.

Начнём с самого дальнего платежа.

Пенсия, если убрать подробности, состоит из двух частей. Одна фиксированная — её платят всем, кто набрал стаж, и от зарплаты она не зависит. Вторая накапливается от взносов: сколько за вас перечислили за жизнь, столько она и весит. Конверт бьёт ровно по второй части: взносы шли с 20 000, значит, и накопилось как с 20 000.

Считаем — грубо, на салфетке. Пусть при белых 60 000 модель даёт пенсию около 30 000 в месяц: фиксированная часть плюс накопленное за годы взносов. При официальных 20 000 та же модель даёт около 17 000: фиксированная часть та же, накопленная — втрое тоньше. Разница — 13 000 в месяц, каждый месяц, сколько бы их ни было.

Обратите внимание, чего в этом расчёте нет. В нём нет слов про старость, немощь и стакан воды — только вычитание. $30\,000 - 17\,000 = 13\,000$; дальше эта разница просто умножается на количество месяцев, а месяцев на пенсии обычно набегает сотни.

И ещё один нюанс, честности ради. Конверт не оставляет без пенсии — фиксированную часть заплатят в любом случае, и на этом держится спокойствие: «что-нибудь да дадут». Дадут.

Вопрос только в том, что слово «что-нибудь» здесь имеет точный размер, и размер этот считается от второго вас.

Двадцать лет — примерно столько может отделять сегодняшний конверт от первого пенсионного платежа. Удобная дистанция: на таком расстоянии 13 000 в месяц выглядят абстракцией. Неудобство в том, что дистанция сокращается сама, без вашего участия, месяц за месяцем.

Абстракцию лечит умножение. Считаем: двадцать лет на пенсии — это 240 месяцев; $13\ 000 \times 240 = 3\ 120\ 000$. Три миллиона сто — цена, полученная не эмоцией, а арифметикой; кто хочет — пересчитает со своими числами и своим горизонтом.

Против этой суммы стоят конверты. Сорок тысяч в месяц, из которых заметная часть всё равно была вашей зарплатой и просто пришла наличными. Ваш собственный выигрыш от схемы заметно скромнее работодательского — и сравнивать его придётся вот с этим семизначным столбиком.

Мелким шрифтом. У ведомства есть пенсионный калькулятор — жизнерадостный жанр: вводил числа, получаешь будущее. Со своими официальными двадцатью тысячами можете поэкспериментировать; калькулятор не спросит, на что вы живёте на самом деле.

Второй платёж ближе. До него не двадцать лет, а одна зима.

Больничный считается от официального заработка — от него же, второго вас. Схема простая: пока вы болеете, вам платят долю от того, что записано в справках, а не от того, что лежало в конверте.

Обычно человек узнаёт об этом не из книги, а из телефона. Приходит выплата за две недели болезни, и сумма в уведомлении такая, что её сначала принимаешь за ошибку. Ошибки нет — есть расчёт от 20 000, выполненный аккуратно и в срок.

Считаем. Месяц болезни при белых 60 000 — те же 55—60 тысяч, жизнь почти не проседает. Месяц болезни при официальных 20 000 — около 20 000, потому что доля считается от них. Привычные расходы при этом никуда не делись: они рассчитаны на 60 000, а пришло втрое меньше — минус 40 000 за один месяц с температурой.

Здесь заём впервые показывает характер. Пенсию можно отложить в дальний ящик головы — «до неё ещё дожить». Грипп в ящик не откладывается: он приходит когда хочет, и расчёт по нему приходит сразу, в ближайшую выплату.

Отсюда, кстати, известное наблюдение: на серой работе не болеют. Не потому что здоровье крепче — потому что неделя дома стоит как хороший ремонт. Человек с температурой идёт на работу, и это тоже платёж по займу; просто внесён он не деньгами, а собой.

Третий платёж — самый тяжёлый по разнице.

Декретные и детские выплаты считаются всё от той же официальной части. Механика одна: пособие — это доля от записанного заработка, растянутая на месяцы, когда работать нельзя физически.

Считаем. При белых 60 000 пособие по уходу — 24 000 в месяц: грубо, доля от заработка. При официальных 20 000 — 8 000 в месяц: та же доля, только посчитанная от 20 000. И это не на месяц, как больничный, — это на полтора года, в которые расходы не падают, а растут.

Полтора года — восемнадцать месяцев. Разница между двумя пособиями: $24\ 000 - 8\ 000 = 16\ 000$ в месяц; за весь срок $16\ 000 \times 18 = 288\ 000$. Ещё один платёж по займу, внесённый одним куском, в год, когда каждый рубль на счету.

8 000 в месяц при жизни, рассчитанной на 60 000. Из всех платежей по займу этот — самый грубый: разница не в проценты, а в разы, и растянута она на самый дорогой период жизни.

Грубость его ещё и в несовпадении направлений. Полтора года — это время, когда расходы семьи растут, а не падают: к обычным тратам добавляется человек, у которого расходы есть, а доходов не предвидится. Доход в этот момент делает ровно обратное — сжимается до

доли от 20 000. Две кривые расходятся в самый неподходящий момент, и расходятся по графику, составленному много лет назад, десятого числа, в конверте.

Теперь сложим то, что складывается.

У займа под ноль процентов, выданного без подписи, есть график платежей. Платежи по нему приходят не деньгами, а разницами — между тем, что пришло бы второму вам с белой зарплатой, и тем, что приходит ему с двадцати тысяч. График длинный, первый платёж может случиться этой зимой, последний растянут на сотни месяцев.

Есть в этом графике одна особенность, из-за которой возврат всегда приходит «в раз-мере, которого не ждали». Заём выдавался незаметно, мелкими месячными порциями — по 13 000, по 15 000, кто их считал. А возвращается он кусками, и куски приходятся на точки, где ресурсов меньше всего: болезнь, рождение ребёнка, старость. Злого умысла тут нет — выплаты из фондов существуют ровно для этих точек; просто в этих же точках выясняется, от какой суммы они посчитаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.